

К. Курдоев

Хачатур Абовян как курдовед-этнограф

Исключительно велика роль основоположника нового армянского литературного языка Х. Абовяна в развитии курдоведения. Его небольшая работа „Курды“, напечатанная на страницах газеты „Кавказ“ (1848, №№ 46, 47, 49, 50, 51), является чрезвычайно серьезной попыткой изучения истории, культуры, быта курдского народа. Все статьи этого труда в целом составляют около двух печатных листов. В этом стройном и цельном научном произведении очень четко и последовательно освещены и сформулированы основные вопросы происхождения курдов, их занятий, языка, народного творчества, социального строя, религии, черт характера, образа жизни и нравов.

В начале и даже в первой половине XIX века в России было очень мало сведений о курдах. Существовали лишь отдельные путевые заметки, которые представляли собой небольшие отрывочные сведения о тех или иных курдских племенах, кочующих в Закавказье¹. В этих заметках не ставилась задача более или менее подробного этнографического описания курдов, и потому они содержали расплывчатые, очень краткие и подчас неверные сведения о происхождении курдов, их нравах, обычаях, быте.

Работа Х. Абовяна является первым и всесторонним этнографическим исследованием курдов Закавказья. В большинстве своих выводов и обобщений Абовян обогнал современную ему науку на десятки лет. Его работа свидетельствует о любовном изучении курдов, о долгой кропотливой работе по собиранию и записыванию фактических материалов.

По сообщениям немецкого путешественника Морица Вагнера и на основе анализа работы самого Абовяна видно, что, несмотря на чрезвычайно трудные условия, как-то: недостаток средств, отсутствие помощи со стороны правительства в деле изучения курдов, рискованное путешествие по диким отдаленным горам Курдистана,—Абовян с большим интересом и энтузиазмом вел свое исследование.

Работа Абовяна показывает, что он занимался курдами не как безучастный наблюдатель, который записывает свои впечатления ради

¹ См. а) „Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В. Т. и напечатанное с высочайшего соизволения“, СПб, 1839, стр. 264; б) *В. С. Легкобытов*. Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношении, произведенное и изданное по высочайшему соизволению, СПб, 1838, ч. I—IV, с картой и указателем; в) „Статистическое обозрение“, СПб, т. XVIII, №№ 21 и 22, стр. 245—259, 317—337.

экзотического интереса, а как настоящий ученый этнограф. Для написания своего прекрасного труда, к сожалению не нашедшего до сих пор у нас должной оценки¹, он в первую очередь начал работать над изучением „исторических и географических произведений и рукописей монастырской библиотеки Эчмиадзина и Эривана“². Затем, с целью личного ознакомления с бытом и культурой изучаемого им народа, он совершил путешествие по Курдистану³, основательно ознакомился с курдскими племенами Зилан, Сипкан, Гасан, Джалали и др., собрал необходимые этнографические данные о них. Достоверность собранных им материалов он неоднократно проверял. Таким методом, т. е. сочетанием полевой работы с кабинетной в вопросе изучения „загадочного народа“, по выражению Абовяна, мог пользоваться только настоящий ученый, понимающий и цели, и задачи своей работы для этнографической науки.

На основе тщательной проработки всего архивного и собранного фактического материала Абовян делал такие смелые научные выводы и обобщения, которые до настоящего времени не утратили своего научного значения. Выводы и соображения Абовяна о происхождении курдов, об их языке, социальном строе, семейных отношениях, народном творчестве, чертах характера заслуживают особого внимания специалистов-курдоведов. Характерно, что при описании всех бытовых сторон у курдов Абовян обращает особенное внимание на специфику курдского быта, культуры и т. д. Наряду с этим он приводит параллельные факты, характеризующие некоторые общие черты быта, культуры курдов с армянами, арабами и другими восточными народами.

В своих исторических изысканиях Абовян старался дать научное разъяснение вопроса происхождения курдов. Предания и ходячие легенды о происхождении курдов его совершенно не удовлетворяли. Он искал реальные исторические факты, бросающие свет на историю курдов. „Сведения наши о происхождении, родстве, распространении и значении этого народа (курдов — К. К.) [в истории] очень не полны, не верны и основаны более на преданиях, нежели на фактах исторических“, — пишет Абовян⁴. Абовян полон веры в восточные и особенно армянские источники, так как он считает, что, будучи постоянными соседями курдов, их сведения более достоверны. Подробно и очень внимательно изучив почти все исторические произведения и рукописи армянских историков и географов, Абовян пришел к следующему выводу: „...должно полагать, — говорит он, — что нынешние курды не что иное, как смесь множества различных народов, поселившихся в этой же стране (область Кордик — К. К.), где жили курды, принявшие впоследствии их язык, веру, одежду, обычаи и, наконец, слившиеся в один народ“⁵.

¹ Если не считать статьи *Аджие Джинди «Գեղարվեստը և գրականությունը»*, см. „Советская литература и искусство“, Ерван, 1948.

² M. Wagner, *Reise nach Persien und den Landern der Kurden*, S. 224, Leipzig, 1852.

³ См. Абовян, *Курды*, „Кавказ“, № 49, Тифлис, 1848, стр. 196.

⁴ Абовян, *Курды*, „Кавказ“, № 46, Тифлис, 1848, стр. 181.

⁵ Там же.

Из сказанного вытекает, что Абовян считал курдов, во-первых, одним из древних народов, получивших свое наименование от названия области Корд; во-вторых, из его выводов становится ясным то, что в процессе формирования курдского народа принимали участие древние народы и племена, покорившие область Кордик с прилегающими к ней областями и слившиеся с ее жителями — курдами.

В-третьих, из этого выходит, что курды, как покоренный народ, в древности в культурном отношении стояли не ниже уровня их покорителей. Иначе не объяснить причины усвоения завоевателями их (т. е. курдов) языка, веры и обычаев.

Кто были эти народы, которые покорили страну Кордик, слились с ее жителями и получили их язык и наименование? Абовян говорит, что армянские писатели это объясняют довольно удовлетворительно. По их мнению, как поясняет Абовян, сначала пришли мидяне, покорили область Кордик и слились с местными курдами: после мидян пришли скифы, затем пришли арабы, которые также слились с ними и были названы курдами. Впоследствии курды чрезвычайно выросли в числе, разделились на множество племен и распространились в южной и центральной Армении. Абовян старается подтвердить это предположение новыми фактами из истории и этнографии курдов.

Участие армян в формировании курдов для Абовяна является также несомненным фактом. Он это объясняет реальными историческими и этнографическими данными из истории курдского и армянского народов. Абовян пишет: „...многие из армянских князей старались достигнуть высших государственных должностей в Византии, Персии, и даже в собственной жизни значительная часть народа стала под знамена, увенчанные полумесяцем, и постепенно принимала язык, образ жизни мусульман, так что впоследствии совершенно слилась с ними, и в настоящее время в названиях курдских племен сохранились следы этого слияния. По древним армянским летописям видно, что многие из армянских князей бежали в Курдистан и приняли там имена курдские“¹. Курдские племена Сдиван, Рожкан, Мамкан, Мандыки Х. Абовян считает происшедшими из рода древних армянских князей, первых, т. е. сливан, от Слкуниев, племя Рошкан от рода Рштуниева, Мамкан от княжеского рода Мамиканнев, а последних, т. е. мандиков — от князей Мандикуниев. Такое внешнее языковое совпадение названия курдских племен с названиями родов древнеармянских князей казалось бы является случайностью. Но на самом деле, при более углубленном изучении истории взаимоотношений курдов и армян, мы узнаем, что оно является реальным отражением истории курдского народа. Из исторических работ армянских историков и географов известно, что не только армяне переселились в область Кордик и смешались с ее жителями, но и наоборот, из области Кордик переселились жители в Армению и остались там жить.

¹ Абовян, Курды, „Кавказ“, № 46, стр. 184.

и смешались с населением Армении. Историк М. Хоренский сообщает, что когда Тигран учреждал княжеские роды, он учреждал и такие мелкие роды, которые находились в Армении или в пределах Кортчея. Он говорит: „... те были совершенно не важны по значительности своих отрядов, но отличались личными заслугами и сражались с греками за освобождение Тиграна, происходили они частью из Кортчея, частью из нашего края — от близких потомков первобытных жителей, от рода айкидов, а некоторые из пришлых“¹.

Эти переселения армян в область Кордик, а курдов в Армению, являются выражением политических и хозяйственных отношений между областями Кордик (или Кордчек) с Арменией. Известно, что „кортчейское (курдское) население южной Армении, со всеми прилегающими к ней с юга областями, то подчинялось Армении и являлось одним из ее административных делений, то откалывалось от нее, создавая самостоятельное управление“². Во время переселения курдов в Армению, а армян в область Кордик или Кордчек, могло происходить массовое смешение армянского и курдского народов. Следы этого смешения, как указал Абовян, продолжают сохраняться в курдской среде еще до сегодняшнего дня. Так, например, кроме фактов совпадения названий родов древнеармянских нахараров с именами курдских племен, мы имеем много случаев совпадения названий древнеармянских провинций с многими названиями курдских племен. Так, в списке перечисления армянских областей и провинций³ мы встречаем много таких совпадений:

Названия др.-арм. провинций

Названия курдских племен

1) Չիլունի	1) Зилан
2) Ասպական	2) Сипкан
3) Տառունի	3) Торыни
4) Գարխի	4) Карки
5) Բարադունի	5) Баразан (Барзан)
6) Մառական	6) Мыкури
7) Բզնունի	7) Бызыни
8) Մանդակունի	8) Баноки, Мандьки
9) Բուդկենի	9) Будки
10) Թեկոսի	10) Такори
11) Մոկս	11) Мокси (Мохси) и мн. др.

Вышеприведенные факты показывают, какое научное значение приобретает указание Абовяна на необходимость и целесообразность использования исторических источников восточных народов, в особенности армянского, для выяснения вопросов происхождения и истории

¹ М. Хоренский, История армян (на арм. языке), Тифлис, 1910, стр. 200.

² Н. Адонц, История Армении в эпоху Юстиниана, СПб, 1906, стр. 226—230.

³ См. М. Хоренский, История Армении (перевод Эмина).

курдского народа. В самом деле, армянские источники могут принести здесь огромную пользу, так как мы в них можем встретить очень важные и ценные сведения по истории и этнографии курдов. Помимо совпадений названий курдских племен с наименованиями древнеармянских нахараров и провинций, мы в армянских источниках встречаем ряд названий областей, также совпадающих с названиями курдских племен, но не входящих в пределы Армении. Так, например, в этих источниках встречается название области Тасан, расположенной к югу от области Кордчек. Это название Тасан совпадает с названием крупного езидского племени дасан (дасыни)¹. Не менее интересно еще и то, что название мидян (марк, марак) совпадает также с названием широко распространенного курдского племени мыли (мылан). Характерно отметить, что в курдском фольклоре (в героическом эпосе Дымдым) встречается термин Маракан (или Малакан) как название когда-то существовавшего курдского племени. Очевидно, названия курдских племен мылан, маракан и мыкури есть разновидность одних и тех же терминов мар, марак (мидян).

Таких примеров можно привести очень много. Ограничимся приведенными фактами, из которых можно сделать следующие выводы.

Сохранение в курдской среде названий древнеармянских нахараров, топонимических и других названий армянских провинций или же ряда народов, находившихся в соседстве с Арменией, показывает, что курдский народ является одним из древних народов Передней Азии и что он формировался в процессе смешения ряда крупных народов и племен, населявших юго-восточную Армению. Факты прежде всего говорят, что в этом формировании активное участие принимали армяне и мидяне.

Выяснение степени смешения и взаимопроникновения курдского и армянского народов, их влияния друг на друга во всех отношениях (культура, история, быт, язык и т. д.) даст возможность разрешить ряд чрезвычайно важных вопросов истории и этнографии курдов и армян. Но, к сожалению, как курдоведами, так и арменоведами в этом направлении пока еще мало сделано.

Как Абовян характеризует курдский язык?

На основе определения Абовяна, данного им курдскому языку (определяет он состав курдского языка, фонетику и внешние формы слов), можно заключить, что Абовян знал курдский язык. Об этом может свидетельствовать и сообщение М. Вагнера и указание самого Абовяна на его переводы курдских песен, записанных им.

Характеристика состава курдского языка, принадлежащая Абовяну, в настоящее время устарела², но в свое время она была принята востоковедами и оказывала на них большое влияние. „Курдский язык, — пишет Абовян, — состоит из смеси арабских, татарских, персидских, армянских и курдских слов. Он делится на два главные

¹ См. „Шараф-намэ“, 12, стр. 28.

² Так как она может относиться только к словарному составу, но не к словарному фонду и грамматическому строю курдского языка.

наречия—собственно курдское и так называемое заза, до того отличающееся от первого, что оно вовсе непонятно курду. Наречием заза говорят в Эгнусе, Тужике, Шуше и других округах¹.

Лингвисту, знатоку курдского языка, нетрудно определить какое влияние оказали на последующих исследователей-курдоведов эта характеристика состава курдского языка и деление его на два главные наречия. Грамматически отнеся курдский язык к иранской группе языков индоевропейской семьи, исследователи-курдоведы Лерх, Юсти и Егиазаров подтверждают это определение Абовяна.

В отношении фонетики курдского языка Абовян говорит, что слова курдского языка слышатся „европейскому уху в каких-то твердых и неприятных звуках“. Дальше, выражая свое понимание курдского языка и свое отношение к нему, он пишет: „...нельзя, однако же, не отдать этому языку преимущества перед другими азиатскими языками; в нем очень редко встречаются шипящие звуки, столкновения согласных, и нет также непостижимых гортанных звуков, как в языках лезгинском и чеченском“². Это определение Абовяна совершенно правильно. Оно впоследствии дало возможность другим ученым считать курдский язык простым и легким языком в отношении его фонетического состава.

Очень интересно замечание Абовяна о некоторых внешних формах курдских слов, которое имеет прямое отношение к грамматическим формам языка. Абовян отмечает, что „большая часть слов, как коренных, так и сложных, оканчивается на гласные: и, а, е“. Нетрудно догадаться, что речь идет о грамматических формах слов. Абовян не интересовался вопросом, почему курдские слова оканчиваются гласными а, е, и; это не входило в его задачу. Для него важно было указать на внешние характерные особенности языка, не вдаваясь в разбор грамматических форм. Уточнение и разъяснение их было делом исследователей курдского языка.

Эти гласные, замеченные впервые Абовяном и охарактеризованные им как окончания слов, Лерхом, Юсти и Е. Егиазаровым были определены как разнообразные формы персидского изафета „i“. Они не могли объяснить, почему в функции одного персидского изафета „i“ курдский язык употребляет гласные а, е, i (добавляя еще а). За последнее время только советскими курдоведами³ удалось окончательно и научно установить, что гласные а, е, i 1) являются самыми распространенными грамматическими формами курдского языка; 2) являются одним из характерных и отличительных признаков изафетной конструкции курдского языка в отличие от персидского. Внешне-формально и даже функционально они сильно отличаются от изафета в персидском языке. Формально выполняя функцию персидского изафе-

¹ Абовян, Курды, „Кавказ“, № 47.

² Там же.

³ См. А. Шамилов, И. Цукерман, К. Курдоев, Об изафете в курдском языке, журн. „Революция и письменность“, № 1, 1933.

га (появляясь между определяемым и определяющим словом в предложении), они выражают грамматические категории: род, число, падежи, служат в качестве служебных частиц и т. д.; 3) гласные а, а служат показателями женского рода, а гласные е, і — показателями мужского рода; 4) употребление гласных а, е, а, і и выполнение ими той или иной функции происходит в зависимости от: а) принадлежности слова к женскому или мужскому роду и б) от места и условия употребления слова в предложении; при этом установлено, что в большинстве случаев эти гласные употребляются в конце слова, иначе говоря, словами Абовяна, „почти все курдские слова оканчиваются гласными а, е, і“.

Таким образом, небольшое замечание Абовяна об окончаниях слов в курдском языке имело прямое отношение к грамматическим формам слов.

Последнее, наиболее интересное замечание Абовяна о курдском языке — это его указание на один из очень важных способов образования собственных имен. Он пишет: „...почти ко всем именам собственным, даже к названиям других народов, курды присовокупляют окончание „о“ и сокращают их почти в половину, например Гассан, Шамдин, Алловарди и пр. изменяют они в Гассо, Шамо, Алло. Из этого правила исключаются только имена знатных и сколько-нибудь значительных лиц, следовательно обычай этот служит некоторым образом отличием для высшего сословия“. На это замечание Абовяна до сих пор никто не обратил внимания, а между тем оно очень ценно. Действительно, прибавление „о“ к концу сокращенного наполовину слова есть одна из характерных черт курдского языка. Вывод Абовяна о том, что этот способ образования личных имен служит некоторым отличием для высшего сословия, является совершенно бесспорным и может быть подтвержден многочисленными примерами.

Абовян призывал ученых изучать курдский язык и таким путем получить возможность „приступить к разрешению многочисленных исторических вопросов“. Сравнивая курдский язык с русским и говоря об общих словах и глаголах, встречающихся в обоих языках, он пишет: „...стоит отыскать несколько сот слов, равнозначущих и равнозвучающих в обоих языках, чтобы приступить к разрешению многочисленных исторических вопросов. Но где средство к изучению этого народа и языка, к обработке этой благодарной почвы, от которой можно ожидать столь много для пользы отечественной истории и языкознания?“¹.

Не менее интересны исследования Абовяна в области курдского народного творчества. По имеющимся сведениям мы знаем, что Абовян занимался и народной поэзией курдов и проявлял к ней большой интерес. В своей статье, где он дает характеристику курдскому народному творчеству, он обещал своим читателям привести образцы

¹ Абовян, Курды, „Кавказ“, № 47.

народной поэзии курдов, но, к сожалению, по какой-то причине, в дальнейшем не привел ни одной из записанных и переведенных им песен. Немецкий путешественник М. Вагнер сообщает, что Абовян послал ему со своими исследовательскими материалами о курдах и езидах и курдские песни. Некоторые из них Вагнер дает, как говорит он, в немецком переводе в своей статье о езидах. Однако только недавно стало известно, что личная тетрадь Абовяна с курдскими песнями найдена и хранится в Музее литературы и искусств Академии наук Армянской ССР.

Оценки, данные Абовяном устному творчеству курдов, свидетельствуют о его поразительной осведомленности в вопросах культуры этого народа. Абовян пишет: «... народная поэзия курдов совершила изумительные шаги и достигла возможного совершенства. Каждый курд, даже каждая курдянка — врожденные поэты в душе. Все они обладают удивительным даром импровизации, но смешно было бы требовать от кочевого народа стройных поэтических созданий, изящных картин и риторических украшений речи. Они воспевают очень просто и незамысловато: свои долины, горы, водопады, ручьи, цветы, оружие, коней, воинские подвиги, своих красавиц и прелести их.— все доступное их чувствам-понятиям, прикрашивают сравнениями и стараются еще живее передать все это мелодическим пением, конечно оскорбляющим немного слух европейца, но драгоценных, как выражение их духовной жизни и образа мыслей, чрезвычайно оригинального народа, привыкшего предпочитать свой просяной чурек всем утонченным лакомствам могущественных европейцев»¹. На этой характеристике курдского народного творчества останавливаются курдоведы Лерх², Н. Я. Марр³ и др., и все они находят ее правильной.

Богатое курдское народное творчество было правильно понято и оценено Абовяном потому, что он обладал знанием курдского языка, любил и высоко ценил народное устное творчество (армян, курдов и татар), близок был к народу, находился в постоянной дружбе с вождями курдских племен, в среде которых он обогащал свои познания по народному творчеству и записал немало песен из уст ашугов и певцов.

Чрезвычайно интересно высказывание Абовяна о значении изучения народной поэзии курдов для этнографии курдов. Курдскую народную поэзию Абовян рассматривает как богатейший источник изучения народных обычаев, нравов и т. д. Он пишет: «... поэтические произведения этих азиатских трубадуров (курдов — К. К.) действительно заслуживают особенного внимания и удовлетворяют требованиям самой суровой критики. Но никто их не записывал и, как рапсодии, изустные предания, они с каждым годом подвергаются более и более забвению. Какое сокровище мог бы извлечь из них изучающий народные

¹ Абовян, Курды „Кавказ“, № 47.

² См. П. Лерх, Исследование о курдах и их предках северн. халдеях, кв II, стр. 9.

³ См. Н. Я. Марр, Еще о слове челеби, Зап. вост. отд. имп. Русск. географ. общества, т. XX, вып. II—III, стр. 127—129.

обычай, поверья и сказания, если бы какой-нибудь ученый, не жалея ни издержек, ни труда, необходимого для собирания этих драгоценных материалов, постраниствовал бы по этому краю¹.

Из отдельных высказываний Абовяна можно представить себе следующую картину общественного строя и жизни курдов в половине XIX века.

Курдов Абовян делит на кочевников и оседлых. К кочевникам он относит тех, которые занимаются главным образом скотоводством. Он говорит, что они всегда вооружены, ведут себя независимо. Оседлые курды занимаются земледелием. Они в зимнее время дают кочевникам убежище в своих деревнях, за это кочевники защищают их от нападающего врага. Степень зависимости от турецкого и персидского правительств у оседлых больше, чем у кочевников, хотя Абовян указывает, что все курды фактически независимы от Турции и Персии. Он говорит, что, несмотря на то, что курды подвластны Турции и Персии, „все их обычаи остаются неприкосновенными“. По его словам, подвластность курдов Турции и Персии заключается только в том, что они посылают им в известное время года небольшую подать, на самом деле „они имеют свое управление, суд и расправу“. Оседлые и кочевые курды делятся по Абовяну на многочисленные племена, которые в свою очередь делятся на „благородных“ („высшее сословие“) и „простолюдинов“ („низшее сословие“). „Высшее сословие“ это князья, начальники племен и родов и богатые. Остальная масса составляет „низшее сословие“.

Абовян не приводит данных о хозяйственном состоянии „высшего“ и „низшего“ сословий и о формах эксплуатации. Но имеется одно его интересное замечание, из которого можно получить некоторое представление об этом. Говоря о дневном расходе у князей во время оказывания ими гостеприимства, он пишет: „У многих князей, считающихся предводителями племен, съедается от 40—50 баранов, более пяти пудов риса и выходит по несколько фунтов кофе и табаку в день, потому что обедают и пьют кофе по несколько раз в день“. На вопрос, откуда берут князья эти огромные средства, Абовян дает следующий ответ: „Общество вознаграждает все это с излишками богатыми подарками в праздники“. Под обществом, конечно, следует понимать основную массу народа. О том, что расходы князей компенсировались народом в виде подарков, не может быть никакого сомнения. На самом деле, из форм эксплуатации у курдов, мы знаем, что основная масса „простолюдинов“ („низшее сословие“) эксплуатировалась „высшим сословием“ (князьями, предводителями племен и родов) посредством получения от них „богатых подарков в праздники“. Кроме того, они получали натуральную повинность в виде кашку (добровольная дань): плату за пастбища, за места стоянок (кочевков), за пользование источниками водоснабжения; они взимали с „простолюдинов“ подать в виде добровольных и обязательных

¹ Абовян, Курды, „Кавказ“, № 47 (см. примечание).

подарков (пешкеша ага, бага—подарки, предназначенные агаларам и бекам) или в виде забара и ини (обязательное или добровольное выполнение полевых и домашних работ) и т. д. Мы говорим „добровольное или обязательное“, потому что эти виды подарков и повинностей в одних местах Курдистана были добровольными, а в других — обязательными. Таким образом, указываемые Абовяном „богатые подарки“, приносимые „обществом“ (т. е. „низшим сословием“) князьям и предводителям племен в праздничные дни, являлись одной из форм эксплуатации у курдов. Следовательно, вышеприведенное указание Абовяна имеет прямое отношение к существовавшим формам эксплуатации среди курдов.

Следует отметить проницательность Абовяна в вопросе правовых отношений. Он находит, что власть князей, предводителей племен и родоначальников неограничена и обязательна для всех. „Раздоры между племенами всегда прекращаются старшинами и князьями, так, что палатки или дом старшины заменяют у них все судилища, сенаты и присутственные места ... Они (князья и старшины—К. К.) не допускают своих мулл ни к каким общественным делам и ограничивают их деятельность богослужением“.

Интересны выводы Абовяна о чертах характера курдов.

Он обнаруживает максимально гуманное и беспристрастное отношение к изучаемому им народу. О патриархальной жизни курдов он пишет: „... трудно найти в настоящее время между народами всего земного шара столь патриархальную жизнь со всеми ее добродетелями, преимуществами и невзгодами, как жизнь курдов, не изменившаяся столетиями“. Разъясняя свою мысль, он говорит: „...курдов можно было бы назвать рыцарями Востока в полном смысле слова, если бы они вели жизнь более оседлую. Воинственность, прямодушие, честность и беспредельная преданность своим князьям, строгое исполнение данного слова и гостеприимство, месть за кровь и родовая вражда, даже между ближайшими родственниками, страсть к грабежу и разбою и безграничное уважение к женщине — вот добродетели и качества, общие всему народу“¹. Эту характеристику духовных качеств курдов Абовян иллюстрирует на ряде конкретных примеров. Причем Абовян больше останавливается на разъяснении тех примеров, которые свидетельствуют о хороших качествах курдов.

Таким образом, имя Х. Абовяна неразрывно связано с курдоведением. Он был первым исследователем этнографии курдов в России. Вместе с тем Абовян лично помогал ученым, путешественникам в деле этнографического изучения курдов.

Лишь при Советской власти стали по-настоящему осуществляться благородные стремления Хачатура Абовяна к научному изучению истории культуры курдского народа.

¹ Абовян, Курды, „Кавказ“, № 47.